

Муниципальное бюджетное учреждение культуры
«Сыктывдинская централизованная библиотечная система»
Зеленецкая библиотека-филиал им. А.А. Лыюрова

А.А. Лыюров

Повесть

о моих друзьях

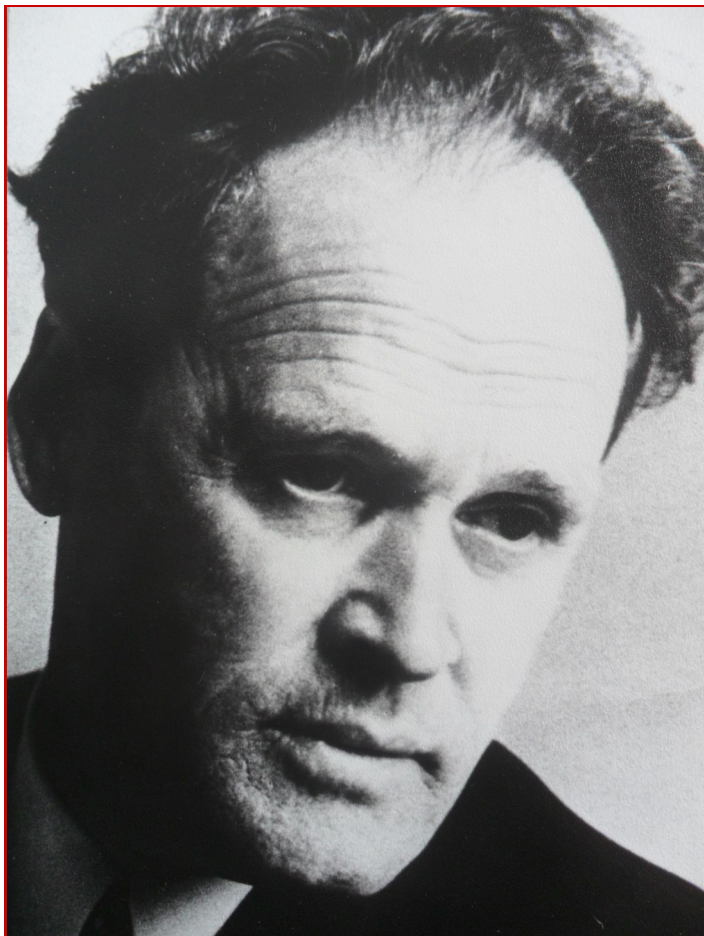

В кратком изложении

Зеленец
2015

Льюров, А.А.

Повесть о моих друзьях: в кратком изложении / МБУК «Сыктывдинская ЦБС», Зеленецкая библиотека-филиал им. А.А. Льюрова; сост.: Н.В. Иловайская. – Зеленец, 2015. – 23 с. : ил.

А.А. Лыюров
(1923-1990)

Автобиография

141

Я, Пыжов Александр Анисеевич, родился в 1923 году 17 июля в селе Зеленое Рогачинского р-на Коми АССР в семье крестьянина. После окончания НСХ

учился в Сосновоборском лесоводском техникуме за семейных обстоятельств продолжения образования не было возможности. Пришлось поступить на ветеринарные годичные курсы. Затем по призыву в Советскую Армию работал в селе Зеленое Вятской губ. и др.

В рядах Советской Армии участвовал в боях. Аваидов ранен. Легко и тяжело.

После демобилизации работал ветеринаром в совхозном зоветупастике Усть-Вымского р-на.

В 1950 году в августе был переведен на работу в Радиокомитет, где и работал на должностях ст. редактора до июля 1968 г. С июля 1968 г. состою на должности

литературного редактора "Колос пуги".

Женат. Имею детей: 2 сына и 1 дочь. Член КПС с 1951 г.

Член Союза писателей СССР.

Пыжов
9 февраля 1969 г.

Повесть о моих друзьях

Гвардии сержант Зарубин проснулся в полевом госпитале. Это была палатка с нарами и печкой. Кроме него там было еще несколько солдат. Снаружи доносились звуки разрывающихся снарядов, иногда совсем близко. Напряжение раненых возрастало. В палатку вошла молодая медсестра. Она, для поднятия духа солдат, стала шутить над Зарубиным. Солдаты рассмеялись, а он рассердился, но взглянув в ее грустные глаза, понял, что она так поступила, чтобы разрядить обстановку. У Зарубина было ранение в плечо. Санитар проводил его в операционную – это был старый солдат, помогавший в госпитале.

Операционная палатка – сооруженный из брезента шалаш, замаскированный под соснами. Есть даже небольшие оконца. Санитар приоткрыл дверцу и проскользнул в шалаш, не отставал от него и Зарубин. В приемном отделении сидели несколько раненых солдат, но Зарубина вызвали первым. Он прошел в операционную, там стоял стол, покрытый клеенкой и рядом разные инструменты: клещи, кривые и прямые ножницы, пилы, ножи и даже стамеска. Все они холодно и страшно блестели под электрическим светом. В глубине души зародился страх, вспомнились слова артиллериста из его палатки: «Доктору что? Взглянет на пробитую руку, схватит пилу, жик – и, смотришь, живая рука в тазу валяется. Не надо канительиться – лечить».

Зарубин осмотрелся, отрезанных рук и ног не видно. В эмалированном тазу валялись только окровавленные клочья ваты. Но и от этого в голове Зарубина все помутилось и во рту пересохло. В его плече застряла пуля. Доктор осмотрел рану и сказал, что надо вынимать «железку».

«Не надо, доктор. Пусть там остается. Как говориться на память. Эта железка нисколько не мешает...

Вот-вот, на память и придется вынуть. Увезешь домой, и всем будешь показывать. Может быть, и меня вспомнишь. Только вот давать ли наркоз? Вытерпишь? И доктор пристально посмотрел мне в глаза.

– Замораживать руку не дам. Никакого наркоза не надо. Знаю я вас: заморозите, а потом пилой – жик!...

Доктор весело рассмеялся. Не удержалась от улыбки и сестра. Лишь я ощетинился, как ерш. – Ну что ж, пусть будет по-твоему, - вздохнул доктор. – Только сиди смирно, не гляди сюда...

Затем энергично выкрикнул:

– Фиксация!

Кто-то схватил меня за руку, а другую прижал сзади. Я даже охнуть не успел, как все закончилось. Доктор поднес мне под нос зажатую пинцетом пульку с приплюснутым острием...»

В палатку Зарубина проводила медсестра, та, что приходила утром. Ему было приятно находиться рядом с ней, хотя на войне не до лирики. Зарубин остался в палатке один, остальные солдаты пошли на санитарный поезд для эвакуации в тыл. Он решил написать письмо домой и не нашел свои вещи, и сразу подумал, что их украли. Он подозревал солдата Головяшкина, который просил подарить трофейную бритву, но Зарубин не отдал, так как это был подарок от друзей. Зарубин побежал к поезду, вдруг налетели «юнгерсы» и стали обстреливать санитарный поезд, раненые бросились в лес, кого несли на руках, а кто сам ползком пытался укрыться от обстрела. Зарубин схватил за ногу солдата и прижал к земле, это оказался

Головяшкин, но пуля настигла его раньше, и он умер на руках у Зарубина. «А ведь полчаса назад эти солдаты уже думали о далеких тыловых госпиталях. Теперь многие из них попадут на покрытый клеенкой стол...

Я уже бывал под бомбежками. Но, то на передовой, где не так мучится душа. Там иной настрой, иной взгляд на судьбу... Хотя если вспомнить первую бомбежку...

Месяца два назад нас, курсантов Архангельского военно-пулеметного училища, будущих командиров взводов, привезли на фронт. До этого силуэты фашистских самолетов мы видели лишь на учебных стендах. А тут недалеко от передовой, на колонну неожиданно обрушились стервятники с черными крестами на крыльях и фюзеляже. Загрохотало, загремело вокруг, вжимая нас, лежавших плашмя в землю. Но вот самолеты проскочили дальше, и многие из нас стали рассматривать глубокие воронки, наполнявшиеся болотной жижей, подбирать осколки, еще не успевшие остыть. А как храбро мы посматривали друг на друга, словно желая похвастаться: «Оказывается, ничуть не страшно...» И в самом деле в тот момент у нас не было никакого страха, ибо мы еще не успели осознать случившееся. Ведь мы были знакомы со смертью лишь по кинокартинам.

Но вот четверо курсантов пронесли носилки. На них лежал человек. Подняв над собой обмотанную бинтом окровавленную руку, он жалобно стонал:

– Попить... Попить, братцы...

Мы настолько растерялись, что забыли про фляги с водой. Еще носилки, еще один раненый. Давно знакомое лицо курсанта потемнело, сморщилось, как у старика. Время от времени он приподнимал голову и хрипел:

– Попить... Попить, братцы...

Мы настолько растерялись, что забыли про фляги с водой. Еще носилки, еще один раненый. Давно знакомое лицо курсанта потемнело, сморщилось, как у старика.

Время от времени он приподнимал голову и хрипел:

– Я, парни, отвоевался...

Но самое поразительное было то, что случилось это с лучшим запевалой училища Ильиным, которому только минуло девятнадцать. Ведь он еще не воевал, а уже выбыл из строя».

Позже Зарубин нашел свой вещмешок, он был спрятан под нарами и прикрыт еловым лапником. Зарубину было стыдно, что он плохо подумал про Головяшкина.

Вскоре палатка наполнилась новыми ранеными солдатами, Зарубин сразу сблизился со своим ровесником – Бойцовым. Парень он веселый, разговорчивый.

После дождей установилась ясная погода, и Зарубин с Бойцовым собрались на рыбалку, очень им захотелось ухи сварить, да на обратном пути грибочков собрать да изжарить. В лесу они встретили летчика, который тоже собирался порыбачить, оказалось, что это друг Зарубина – Гена. «Гена без конца расспрашивал меня о родном селе, об отце и знакомых, о Сыктывкаре»...

Клева совсем не было. Вдруг послышался гул моторов. Три самолета то снижались, то взлетали вверх. «Мессершмитты», как коршуны, клевали «харрикейна».

«По лбу Бойцова струился пот, словно он сам сидел в кабине «харрикейна», а Гена даже забыл о своей раненой ноге, лишь время от времени подрагивали его плечи.

– Пилот опытный, – взволнованно хрипел Гена, – а то бы давно «мессеры» справились с ним. Держись, браток! Не давай в хвост заходить, не давай!

Летчик будто услышал эти слова, круто бросил самолет в сторону. «Мессершмитт» проскочил мимо, а затем, странно петляя и теряя высоту, начал уходить на запад.

– Есть один! – заорал Гена. Второго берегись, второго! Но было уже поздно».

«Харрикейн» устремился к земле, оставляя за собой дымный след. Пилот успел выпрыгнуть с парашютом.

Это был молодой парень, колечки русых волос прилипли к белому лбу, под носом едва заметный пушок. У него было три серьезные раны. Раненые не отходили от палатки, в которой располагалась операционная, всех беспокоила судьба летчика, все ждали исхода операции. Но врачи не смогли его спасти. Санитар Кузьмич успокаивал Зарубина и Бойцова, сказал, что святой человек был этот летчик, а многие погибают зря.

Юра Зарубин вспомнил свой первый бой. Он рассказал о нем Кузьмичу и Бойцову. «Пробирались сквозь густой лес, перешагивая через упавшие, обомшелые стволы деревьев, мяли подошвами сухие сучья.

Кругом гремело. Где-то справа рвали землю немецкие снаряды, с пронзительным свистом летели мины. Доносился треск пулеметов.

Гудение висевших в небе немецких самолетов выматывало душу. Мы с надеждой поглядывали в синее между деревьями небо, думали, вот-вот появятся краснозвездные машины, но они не появились. А «юнкерсы» безнаказанно перепаживали бомбами квадрат за квадратом. Даже погода не мешала им. Вот почему мы ненавидели сейчас это светлое осеннее небо...

По лесу шли друг за другом, поляны проскакивали бегом. Вот впереди показался большой пустырь. По нему совсем недавно прошелся стальной шквал. В обшитых березами траншеях, на брустверах тускло поблескивали немецкие каски, валялись рыжие кожаные ранцы, чужие винтовки с толстыми ложами, патроны и пустые гильзы. Повсюду виднелись разбросанные плащ-палатки, байковые и суконные одеяла...

Вчера здесь дрался соседний полк, идущий в первом эшелоне. По первому чувствовалось – нелегко было нашим парням, но крепко доставалось и фашистам.

– Вон тому даже не дали ленту закончить, – толкнул меня Сметанин.

Я посмотрел по направлению его руки. На открытой площадке стоял пулемет, а возле него держась за рукоятку, лежал немец. Словно, живой, вот-вот откроет стрельбу. Нет, не откроет, с ним все кончено: лицо под каской походило на кровавый блин – так близко рванула граната. Кое-где лежали и наши парни. И до того больно было видеть их неподвижные тела, их гимнастерки защитного цвета...

Примерно в полдень батальон вышел из леса на поросший кустарником луг. Приказано было отрыть окопы. Ух, какая противная работа! Противная еще и потому, что окапываешься, возможно, напрасно. Только вынешь из чехла лопату, перережешь дерн, как снова услышишь команду: Вперед!

– К черту! – выругался Вагин. – Я лучше отдохну...

– Отдохни, – усмехнулся Сметанин. – Только когда фрицевские пули прижмут, не суй хвост в мою ячейку...

– Ты окапывайся, а не болтай. Зарывайся в это противное болото, как крот. А я тем временем полюбуюсь природой. Да подумаю, почему у меня руки в мозолях. Действительно. Почему, Сергей? От ковырянья в земле...

Разглагольствование Вагина прервало грозное:

– Воздух!

Мы бросились на землю. Около десятка «юнкеров» явно держали курс в нашем направлении. Курсанты вжались в неглубокие ячейки, над которыми топорщились горбики вещевых мешков да темнели, как шляпки грибов, каски... В эти горестные минуты я впервые проклял небо... От близко рвущихся бомб глохли уши, волны горячего воздуха опаляли лицо, на спину плюхались ошметья черной грязи». С утра до полудня «юнкеры» то улетали, то вновь возвращались и бомбили. Первый вышел из себя Вагин, он встал в полный рост и стал грозить кулаками небу, кричать и ругаться. Когда немецкие самолеты улетели, взводный Колесников подал Вагину свою фляжку. Нервы у парня были на пределе, руки тряслись. После того, как Вагин успокоился, Колесников сказал: «Я доволен, что вы начинаете злиться, чтобы победить врага, надо его ненавидеть. Ненависть здорово помогает в бою. Рецепт проверенный...»

Наконец мы снова двинулись вперед. И сразу же в небе появились «юнкеры». Стало ясно, что немцы контролируют каждый наш шаг.

Днем раньше, когда соседний полк прорвал вражескую оборону, немецкой авиации не было. А сегодня... Значит, откуда-то ее перебросили сюда, значит испугались, что мы соединимся с Ленинградским фронтом и прорвем блокаду...

Вместе с опасениями в наши сердца вселилась и радость. Радость от того, что здешний противник не смог остановить нас своими силами и ему пришлось запрашивать помощь со стороны. Значит быстрее вперед, пока враг еще не оправился от ран и не подтянул более крупные части...

Бойцы устали и вскоре залегли. Связисты пытались наладить связь с соседними ротами, но узнали печальную весть: в штаб батальона угодила бомба.

Дальнейшие события развернулись так быстро, что мы даже не успели понять, как все случилось. Впереди нас

в нескольких десятках метров густо росли кустарники, а за ними виднелся лес. Туда побежали по своим надобностям курсанты. И вдруг тишину разметал взрыв гранаты, затем еще взрыв! Из кустов выскочил парень:

– Братцы, там немцы!.. Немцы!..

– Не болтай! – заорал Колесников. – Откуда им взяться? Впереди нас полк...

Взводный так и не успел выругаться: из кустов затрещали автоматы. Бежавший к нам курсант споткнулся, вскинув руки, словно пытаясь удержаться за воздух, и ... медленно осел на землю. В то же мгновение из кустов показались немцы...

Почти рядом оглушительно загрохотал «максим». И лишь после этого раздался голос Колесникова:

– Взвод, огонь!..

Я посмотрел по сторонам, но, кроме Сметанина, Вагина и Аралбаева, никого не увидел. Кольнуло сердце. А где же Калинин, Атяшкин, Зубров? И тут я заметил их, бегущих к низеньким деревцам и кустам... А немного в стороне, прихрамывая на одну ногу и угрожающе размахивая пистолетом, гнался за ними ротный, лейтенант Костенко...

«Что это? Почему они бегут? Может, ищут удобную позицию? А ротный... Вот он остановился...» – промелькнуло у меня в голове. Но додумать я не успел: прямо над головой оглушительно просвистела мина и... взмыл кверху черный фонтан грязи. Костенко я больше не увидел... Взглянул в сторону Сметанина и Вагина. Они были почти рядом, в неглубоких окопах...

И как радостно было слышать бодрый голос «максима»! Расчет незнакомый, но я готов был их расцеловать: так они умело прижали к земле наседавших на нас немцев.

Этих ребят звали Иванами, они отстали от своих, потому что с таким тяжелым оружием далеко не уйдешь, легче остаться на позиции и отстреливаться, сдерживая фашистов.

«За спиной слышался шорох. Я обернулся: ползет Колесников... Он скатился в пустой окоп между мною и пулеметчиками... Мы облегченно вздохнули, словно очутились за широкой отцовской спиной. А когда Колесников сообщил, что соседний взвод на месте. Совсем успокоились. Теперь нужно держаться до темноты, а потом видно будет.

– Сдавайтесь! Нас много, вас мало!..

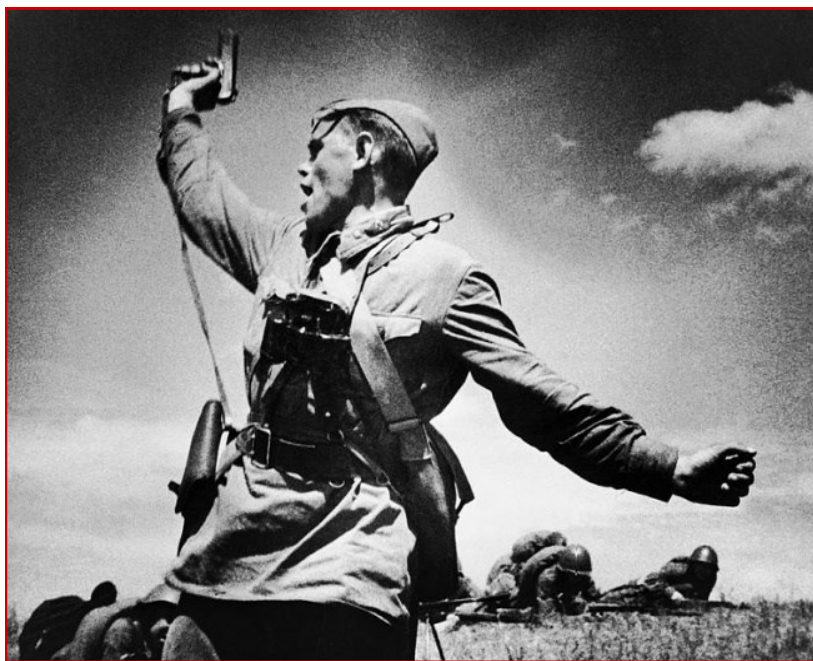
Ответ им дал «максим», а с правого фланга наш ручной пулемет. Сметанин не удержался и бросил гранату, но она разорвалась далеко от немцев. До нас донесся отвратительный вой мин. Стемнело, все стихло. Затем прямо на позиции немцев запыхал костер, а мы сидели в крошечных окопах и молчали... Глядеть на костер было еще терпимо. Но наши сердца начали разрываться от боли, злости и ненависти, когда до нас доносились звуки гармошки. И играли они не свою песню, а нашу «Катюшу».

– Гады! – злобно выругался Вагин. Тот час подал голос наш «максим». Когда лента кончилась, со стороны немцев слышался хохот.

– Эх, миномет бы сюда! – с сожалением сказал Колесников...»

Сметанину показалось, что с поля доносился стон курсанта, раненого немцами, он настаивал на том, чтоб под покровом темноты вытащить его с поля, пока этого не сделали немцы. Колесников отдал команду пойти за раненым Сметанину и Зарубину. Курсант оказался уже мертвый, Сметанин забрал его документы и они стали отходить назад, где-то рядом они услышали шорох и хруст сучьев. Это немцы. Сметанин с Зарубиным кинули в их сторону по «лимонке». Поднялись два огненных столба, слышались крики, значит попали. Через минуту путь преградили огненные столбы. Юра с Сергеем бежали к своим, но Сергей начал отставать, он был ранен. Колесников помог перевязать рану. Медлить было нельзя,

надо было уходить. Зарубин взвалил Сергея себе на спину. Шли молча, все дальше и дальше уходили от ракет. Двигались ощупью в темноте. Почувствовав, что силы Зарубина на пределе, Сергея взялся нести Вагин. Долго шли молча. Наконец, Юра, отдышавшись, спросил у курсантов с ручным пулеметом, как они попали к нам. И удивился, услышав их рассказ. Оказывается, с правого фланга поддерживали их взвод только они вдвоем. Там не было никакого взвода. Когда курсанты бросились бежать, только их двоих и сумел остановить младший лейтенант Колесников. «Оказывается вся рота, кроме нас, после гибели ротного отошла. Наш взводный знал об этом и не сказал. Наоборот, придумал, что рядом держит оборону соседний взвод. Нас, как я уже говорил, приободрило это, и мы вели бой, чувствуя локоть несуществующего соседа.

– Винегрет получился, – вздохнул другой пулеметчик.
– Нарвались неожиданно, растерялись...Видимо, впереди нас соседнего полка уже не было, а мы не знали об этом...

– Зачем винить погибших... – прервал я его.

– Верно... Мертвые сраму не имут, – печально произнес он.

Темно. Под ногами булькает вода. Вспомнился Костенко...Ничего, мы еще отомстим за Костенко и за многих других... Туманное и прохладное утро застало нас под низенькими деревьями. Мы сидели возле Сергея, который был без сознания. Зато у Вагина и у меня гимнастерки промокли от его крови. Зачерпнули из воронки воды, осторожно начали смывать грязь и копоть с лица Сергея. Он пришел в себя, попросил попить, затем велел завернуть сигарку.

Вагин укутал друга плащ-палаткой и неожиданно стал рассказывать об одном случае в семье.

– Однажды у отца так разболелся живот, что он приготовился умирать. Даже гроб велел сколотить. А потом приехал доктор и вырезал ему какую-то кишку. Отец до сих пор крепкий. Как железо... и ты, Сережа, еще побываешь на моей свадьбе, – неестественно бодро говорил Вагин. – Эх, и погуляем тогда! А может, ты раньше меня женишься. Теперь ведь доктора, знаешь какие! Человека из лоскутков собирают. Сам видал... И твои ранки быстро заживут. Надо только до госпиталя добраться...

– погоди, отдохну, и отправимся, – чуть слышно прошептал Сметанин.

Вагин подал ему сигарку. Но Сергей не успел затянуться, только вымолвил:

– Домой не сразу пишите, пусть думают, что я в училище...

Как ребенок зарыдал Аралбаев. Он теребил свои коротко стриженные волосы и что-то сквозь слезы бормотал на родном языке. Я хотел успокоить его, но горький комок застрял в горле.

Грязной ветошью тер глаза совсем постаревший за эту ночь Колесников. Я догадался, о чем думает он, бывший учитель...

Окончив рассказ, я взглянул на Кузьмича. Тот молчал. Первым нарушил тишику Бойцов:

– Нашли свою часть?...

Похоронив Сметанина, пошли дальше. И вскоре встретили своих. И каково же было их удивление: ведь нас считали погибшими. Многие не могли смотреть нам в глаза: мучила совесть за то, что бросили нас, бежали позорно.

– Как вышли из окружения? – спросил старший политрук Левада, командовавший теперь батальоном. Из всего штаба он уцелел один: при бомбежке находился у курсантов.

– Не успели окружить полностью, – рассказывал Колесников. – Ночь помогла. А до рассвета отошли – патронов не осталось...

Левада приказал нам встать в строй. Не считая Колесникова, нас было семеро. Мы встали плечо в плечо, грязные, усталые, но с гордо поднятой головой.

– Товарищи, обратился Левада к курсантам. – Вот эти семеро, под командованием младшего лейтенанта Колесникова, вчера остановили врага, не дали ему продвинуться вперед. Надеюсь, что сегодня все будут похожи на них...

Никогда не забыть мне, какими глазами смотрели на нас курсанты. И, наверно, мысленно клялись – будут не хуже нас...

И они на самом деле доказали, что не хуже. Когда через десять минут началось наступление, цепь решительно двинулась вперед. Курсанты шли на виду друг у друга, без скаток и противогазов, чтобы ничего не мешало в бою. Холодно поблескивали штыки, мокрые от росы каски. Двигались быстро и бесшумно...Остались позади заболоченные места, где мы утопали во мху, до самых колен...

Внезапно где-то впереди ударил немецкий пулемет, затем он застучал без остановки. Очевидно, наши разведчики натолкнулись на боевое охранение немцев.

– Вперед! – послышался голос Колесникова. – Бегом!

Теперь уже таиться не было смысла: кругом свистели пули – немцы стреляли разрывными...

– Вперед! – закричал я.

– Вперед! – заорал кто-то в цепи рядом.

– Вперед! – выкрикивали курсанты, подбадривая себя и товарищей.

Мелколесье кончилось, и мы увидели немцев – они перебегали к небольшому лесному островку, где, видимо, были отрыты окопы.

Курсанты рванули вперед. Молча. Злобно. Их уже не могли остановить ни мины...ни пулемет... Безудержная ярость вела нас на врага...

Дальнейшее случилось в какую-то секунду. Немцы поняли, что им не добраться до лесного островка, повернулись лицом к нам, но было уже поздно. Курсанты яростно наскочили на них...

Курсанты перепрыгивают через окопы, рвутся вперед, догоняя врага.

Тут же Колесников. Он тяжело переводит дыхание, но на лице нет усталости:

– Зарубин! Очистить траншеи! И помогите артиллеристам! Без них не справиться с минометами немцев. Отсюда не все отошли... Больно неожиданно нагрянули мы на них. Ну, смотри! Чтобы пленные были, и не забывай – мы Красная Армия!.. Мы бросились очищать траншеи. Из-за поворота затрещал автомат, затем другой. Будто дрыном ударило в правое плечо. Мы залегли в низенький окопчик, спрятались за бруствером. Вагин метнул «лимонку». Взрыв! Вскочили. За поворотом, пошатываясь, поднялся немец с окровавленным лицом, другой, валялся у него под ногами. Вагин взмахнул штыком, но я успел левой рукой схватиться за его винтовку. В тот же момент Аралбаев ударил немца кулаком в челюсть, и тот упал на колени.

– Прекратить! – одернул я курсантов, хотя самому мне тоже хотелось врезать фашисту по морде. – Не забывайте – мы бойцы Красной Армии и с пленными не воюем. Не стоит руки об эту мразь пачкать...

Подозвав пожилого бойца, приказал ему отвести пленного в штаб батальона... Осмотрели траншеи и блиндажи – немцев больше не обнаружили. Двинулись навстречу артиллеристам. И тут Вагин с испугом показал на мое плечо. Только тут я почувствовал боль в плече. Стянул гимнастерку.

– Стоит ли в госпиталь из-за такого ранения? – бодрился я, хотя плечо нестерпимо жгло.

И тут Левада заметил, что я ранен:

– Вы что это, Зарубин? Марш в санчасть!..»

Так Зарубин оказался в госпитале. Через некоторое время туда попал с ранением Вагин. Вот что он рассказал:

«Так вот, Юр, что было после твоего ранения. Два дня прошло спокойно, потом подвалили немцы. Мы их верст семь гнали. Едва не соединились с ленинградцами.

Уже их минометы слышали. Но гитлеровцы подтянули свежие части, танковые десанты прорвались к нам в тыл. Одним словом окружили. У нас в ротах осталось по пятнадцать – двадцать штыков, не больше, боеприпасы на исходе. О еде и табаке не говорю. Отбивались несколько суток, надеялись, что наши выручат. Но... решили своими силами прорвать окружение. Рано утром, сомкнув штыки, бросились в атаку. Шли все: и штабные писаря, и повара и ездовые. Раненые тоже ковыляли в цепи. Никому не хотелось умирать просто так. Ты же знаешь, курсантов в плен не берут...

Артиллеристы тащили свои пушки, но не стреляли: берегли последние снаряды. А вдруг да танки на нас двинут? Вначале оттеснили мы немцев, а потом... И из автоматов, и из пулеметов, и из танковых пушек! Трудно представить, как прорвались мы через такой огонь, но многие остались там...

Вагин все сильнее сжимал мою руку, голос становился все глуше и прерывистее:

– Многие остались, а часть все же вышла из окружения. Меня ранило, когда уже почти соединились со своими. Осколком снаряда...

Нас с Бойцовым выписали из госпиталя после Октябрьских праздников. А до этого пришлось еще потрудиться в батальоне для выздоравливающих. Я просился в свою дивизию, но... председатель комиссии, майор, разъяснил, что наша дивизия в тылу, на переформировке и мне придется служить там, куда направят.

– На лыжах бегаєте? – спросил он. – Вот и прекрасно! Направим в лыжный батальон...

– А в вашем батальоне, товарищ майор, Юранев не служит?

– Есть такой.

Так мы снова встретились с Геной.

Зима того года была в Ленинградской области необычно суровой. Но мы учились воевать днем и ночью. В трескучие морозы, вспахивая белые сугробы, петляя в лесных чащобах, делали мы многокилометровые марш-броски на лыжах. Приноравливались стрелять с ходу, точно бросать гранаты. Неделями не доводилось бывать в землянках, спали в снегу, у костров. И вскоре перестали замечать морозов, ловко бегали на лыжах, умело маскировались...

Все понимали, что идет подготовка к более крупным делам, что в будущих боях не будем последними и мы – лыжный батальон. Круглые сутки шла напряженная, скрытая от вражеских глаз работа по размещению техники и солдат. Напрасно кружили над вершинами деревьев «рамы»: разве можно увидеть что-либо в заснеженном лесу, где прячутся сыновья тайги?

Часто навещался в нашу роту майор Курков. Сам хороший лыжник... Особо майор привечал наш взвод... Мы гордились таким командиром, звали себя курковцами... Уважал майор Гену. В батальоне только один старшина и командовал взводом – Юранев. И это понятно: редкий лыжник мог потягаться с Геней. Моему другу было не занимать ни ума, ни смелости, ни ловкости, ни мужества...

В конце декабря наш батальон занял оборону на передовой. На несколько дней мы подменили какую-то стрелковую часть, отведенную в ближний тыл на отдых. Стояли на правом фланге дивизии. До соседнего батальона километр, а может, и больше. Чтобы не просочились к нам в тыл немецкие автоматчики, там стоял наш полевой караул. Бойцы не очень охотно ходили туда. До своих не близко, а если полезут немцы, то помощи не жди. Пришел черед, идти в караул и нашему взводу. Гена почему-то решил послать только два отделения вместо четырех. Я намекнул ему, что надежней всем взводом. Мало ли что, вдруг фрицы?..

Эх, настоять бы мне тогда на своем или, в крайнем случае, доложить командиру роты. Но Гена ведь – бывалый командир! О чем думал он? Пожалел бойцов, но пожалел тех, кого оставил на позициях батальона. А тех, кто пошел с нами в караул?

Итак, мы в карауле. За стрелковыми ячейками и окопами, чуть позади, дзот. Его и не видно под снежной шапкой. В амбразурах два «дегтярева», возле них копошатся лыжники-пулеметчики. В дзоте же отдыхают пришедшие со смены часовые и те, кто собирается заступить на пост. Но никто из них не спит, переговариваются шепотом. Было уже после полуночи, когда я пошел проверять посты. Все в порядке, бойцы на чеку. Но, все же их маловато. Направился к самому дальнему посту. А ночь! Ясная, морозная, со звездами. Нигде ни души.

Но...что это? Кто там, на нейтральной полосе? Какой-нибудь зверь? Откуда ему взяться? А если не зверь?

Алексей повернулся ко мне, но уже все стало ясно. С ветвей дерева посыпался иней. Я быстро приготовил ракетницу, толкнул локтем Бойцова.

– Та-та-та, – заговорил его автомат.

В кустах послышался чей-то стон. И тотчас же ночь ожила. Справа и слева зашуршали лыжи, показались, обтекая нас, серые тени. В небо взмыла зеленая ракета.

Наши, конечно, видят ее. Теперь можно и отходить, но надо задержать немцев.

– Алексей, короткими! – кричу Бойцову. – Так все диски за минуту расстреляешь.

Немцы уже не таятся, стреляют на ходу из автоматов, швыряют гранаты с длинными ручками. Видно по всему, что это не группа разведчиков, а взвод или два.

– Гранаты! – команду Бойцову.

Одновременно летят наши «лимонки», следом еще пара. Срываемся с места, бежим, отстреливаясь, назад. Только бы соединиться с товарищами! Слышно, как заливаются «шпагины», «дегтяревы», рвутся гранаты.

«Зарубин!» – слышу крик Гены. Чуть впереди нас, возле траншеи, вырастает одна фигура в белом, затем вторая. Мы успеваем нажать на спуски автоматов, и перепрыгиваем через упавших немцев, скатываемся в траншею. Гена отрывается от автомата.

– Отходить на запасную позицию уже поздно, – говорит он. – Нас окружили. Защищайте с Бойцовым дзот сзади. Пока, браток, дзот наш, бояться не чего. В батальон я сообщил. Будем ждать...

Мы с Бойцовым бросились к дзоту. Но, в тот же миг вспыхнул перед глазами яркий огненный веер. До сознания еще не дошло, что это рванула немецкая граната...

Очнулся от сильной встряски. Рядом Бойцов, лицо его перекошено от боли. Он трясет меня и что-то кричит. Вначале я ничего не понимал, а потом, когда разобрал...

– Не может быть! Почему отбили?..

– Погибли все. Беда... Меня ноги совсем не слушаются, не могу встать. А тебя контузило. Патроны у меня кончились. Беда, сержант, беда...

Я с ужасом понял, что случилось непоправимое. Но она еще не так далеко, проклятая волокуша, на которой немцы тащат Гену.

Он не шевелится – то ли мертв, то ли связан? Но зачем немцам мертвый? Ведь они завязали бой, чтобы добыть

«языка».

– Как же это, Бойцов? – застонал я от бессилия помочь другу.

– Ранен.. Но отбивался.. Скрутили его...

Впереди немцев стали рваться мины. Это наши. Отсекают. Немцы залегли, но затем снова медленно потащили волокушу к кустам. Второй залп наших минометов угодил позади немцев. Хотя бы накрыли! А кусты близко, скоро немцы скроются. И тогда...

А мы с Бойцовым выбились из сил. Я, если даже смогу подняться, догнать не успею. «Что делать? Что же делать?»

Бойцов будто угадал мои мысли:

– Юра, может, цел пулемет?..

Собрав последние силы, я метнулся в дзот. Пулеметчик убит, «дегтярев» вроде бы цел. Торопливо вогнал я в вилку новый диск. Глянул в амбразуру. Спешат немцы, а минометчики медлят. Значит, Гену уведут в плен. Я содрогнулся при этой мысли. Но раздумывать было некогда. Сквозь прорезь прицельной планки я видел немцев. Они уже двигались в полный рост. Я нажал на спусковой крючок и «дегтярев» послал смертельные струи свинца. Немцы повалились в снег, замерли. Но вот опять зашевелились, ползком потащили волокушу дальше. Еще секунда - и она скроется за кустами...

– Наши! – вдруг заорал под самым моим ухом Бойцов.

Сквозь амбразуру я увидел спины летящих на лыжах солдат. Где-то совсем рядом рванула граната, затем еще и еще...

Из-за кустов в ответ застрочило несколько немецких пулеметов. Обожгло плечо, правая рука бессильно упала со спускового крючка. Но мне было уже все безразлично. Я понял: наши уже здесь.

**Книга посвящается
памяти павших в бою
в годы Великой
Отечественной войны
1941-1945 гг.**